

Нин Цзи эти два дня не появлялся на пике Разоружения, что заставило Су Фэнъяня слегка нахмуриться.

Вчера он отправил людей на пик Разоружения, но те, не успев даже подняться на гору, встретили у подножия послушника, который сообщил, что Истинного владыки нет на месте.

Визит Су Фэнъяня не увенчался успехом, но особого значения он этому не придал. Однако его терзало любопытство: куда тот мог отправиться? Насколько он знал, Нин Цзи годами не покидал своего пика. К тому же, в этот раз вместе с ним исчез и Чу Цзиньсяо.

При этой мысли брови Су Фэнъяня слегка дрогнули. Он погрузился в глубокие раздумья и, отвлекшись во время игры в го, совершил неверный ход черными камнями.

Даоцзюнь Яому нахмурился:

— О чем ты думаешь, что так витаешь в облаках? Даже не заметил, как ошибся.

Как только камень коснулся доски, вся партия оказалась разрушена. Тон Яому звучал недовольно. Су Фэнъянь очнулся, нахмурился, но ответил сдержанно:

— Просто размышлял об одном деле.

С тех пор как тот юный ученик с пика Разоружения покинул пределы секты, Су Фэнъянь стал совсем рассеянным. Яому уже привык к такому его состоянию.

— Тот паренек по фамилии Чу отправился в Юньчжоу. Если хочешь, поезжай следом, зачем здесь сидеть и терять концентрацию? — не глядя на доску, в шутливом тоне заметил он.

Су Фэнъянь поджал губы и поднял взгляд:

— А-Чу отправился в Юньчжоу по делам. К чему мне ехать за ним?

Сказано это было легко, и выражение глубокой задумчивости на его благородном лице немного рассеялось. Однако Яому лишь нахмурился:

— Пф, если бы ты мог отпустить это, то не витал бы сейчас в облаках.

Су Фэнъянь бросил на него взгляд, не став уточнять, что думал не только о Чу Цзиньсяо, но и о Нин Цзи. Его просто удивляло, почему при характере Нин Цзи тот вдруг решил спуститься с горы. Видя, что он убрал доску и замолчал, Яому тоже закрыл рот.

В этот момент в комнату вбежал дежурный послушник.

— Даоцзюнь, Божественный лекарь Су.

Поклонившись, он выпрямился и произнес:

— Достопочтенный Меча вернулся.

Достопочтенный Меча — разумеется, речь шла о том самом обитателе пика Разоружения. Во всем мире лишь один человек был достоин этого титула. Рука Су Фэнъяня, державшая камень, замерла, и он обернулся.

Яому взглянул на него и усмехнулся:

— Чего вылупился? Это вернулся Достопочтенный Нин Цзи, а не твой ненаглядный А-Чу.

Едва он закончил фразу, как заметил, что послушник замялся, явно чувствуя себя неловко. Тот с опаской посмотрел на своего господина и Божественного лекаря, после чего прошептал:

— Старший брат Чу тоже вернулся.

Яому внезапно поперхнулся.

— Чу Цзиньсяо тоже вернулся? — нахмурившись, переспросил он.

Послушник не понимал причины такого удивления, но ответил:

— Старший брат Чу вернулся вместе с Истинным владыкой Нин Цзи.

Яому тяжело вздохнул и, нахмурившись, махнул рукой, приказывая тому удалиться. Повернувшись к Су Фэнъяню, он увидел, что тот крепче сжал чашку и опустил взгляд.

— Эх, возможно, они просто случайно встретились по пути, — попытался утешить его Яому.

Су Фэнъянь разжал пальцы, поднял голову и улыбнулся:

— О чем ты только думаешь? Я просто удивился, вот и всё.

Его улыбка выглядела вполне естественно, без тени принуждения. От этой улыбки черты лица даже стали мягче. Увидев, что Су Фэнъянь действительно не придал этому значения, Яому успокоился.

Нин Цзи не подозревал, что весть о его возвращении на пик Разоружения разнеслась так быстро. Он уходил бесшумно и полагал, что никто не заметит его отсутствия.

Когда он поинтересовался, не произошло ли чего за эти дни, послушник ответил:

— Достопочтенный, перед вашим возвращением заходил Божественный лекарь Су, что временно остановился на пике Носорожьих Лекарств. Но я сказал, что вас нет, и отказал ему.

После того случая, когда Достопочтенный приказал уничтожить пилюли, послушник стал настороженно относиться к этому лекарю. Как только Достопочтенный вернулся, он тут же доложил об этом.

Су Фэнъянь? Нин Цзи нахмурился. Не понимал, зачем тот приходил и присылал приглашения. После инцидента во Дворце Чистого Света он считал, что их позиции прояснились. Он полагал, что Су Фэнъянь станет осторожнее, но тот, напротив, лишь усилил напор. Лицо Нин Цзи помрачнело, он слегка нахмурился. Послушник замер, не смея произнести ни слова.

Спустя некоторое время, когда свечи в комнате затрепетали, раздался тихий кашель Достопочтенного:

— Известно ли, зачем он приходил?

— Божественный лекарь Су навещал вас, я сказал, что вас нет, и он ушел. Он не говорил, зачем приходил.

Послушник покачал головой. Нин Цзи слегка расслабился. Видя, что послушник нервничает, опасаясь, что совершил ошибку, он смягчился:

— Ты всё сделал правильно. Впредь не пускай кого попало на гору.

Выражение его лица стало обычным, и послушник с облегчением выдохнул. Вспомнив кое-что еще, он добавил:

— Кстати, Достопочтенный, а где старший брат Чу?

Он знал, что они отправились в одно место, и теперь, видя только Истинного владыку, был удивлен.

— Он отправился туда, куда и должен был, — голос Нин Цзи остался бесстрастным. Он протянул послушнику шкатулку. — Свари из этой Ивы Ледяного Сердца отвар.

Видя, что Достопочтенный не намерен продолжать разговор, послушник с сожалением принял шкатулку.

Во Дворе Журавлиного Снега было не так оживленно, как в Юньчжоу — царила полная тишина. Когда послушник ушел, Нин Цзи отвел взгляд, чувствуя легкое беспокойство. Впрочем, он тут же отбросил это чувство. Столько лет на горе — разве он не привык к одиночеству? Почему сегодня его мысли так спутаны?

Он на мгновение отрешился от всего, прогоняя образ главного героя.

Кун Лин всё это время находился в Мешочке Вселенной. Со вчерашнего дня, когда он перестал излучать жар, его безжалостно забросили в темный мешок. Он был в шоке, широко открыв глаза. До того как его туда бросили, он и представить не мог, что в мире существуют настолько

бессердечные, неразумные и вздорные люди! Однако реальность доказала: в мире действительно есть такой прагматик, как Нин Цзи.

Как только яйцо перестало греться, его закинули в ящик для хранения живых существ и забыли на несколько дней. Если бы сегодня Нин Цзи не снял мешочек, переодеваясь, он бы вовсе о нем не вспомнил.

Кун Лин катался внутри мешка, выпуская духовное чувство. Но материал мешка оказался невероятно прочным. Он пытался накопить немного демонической силы, чтобы прорвать барьер, но после того, как его заперли, все усилия пошли прахом. Кун Лин был в ярости. Ему хотелось вернуться в свое истинное тело и немедленно напасть на секту Юйцин, но каждое погружение в сон требовало слишком много времени, поэтому гнев оставался лишь мыслями.

Он ругался про себя, и прекрасное лицо красавца внутри яйца из гневного стало измученным. Когда он уже решил, что этот лицемер запер его здесь навечно, мешочек открылся. Яркий свет ослепил его, и он не сразу пришел в себя.

Нин Цзи просто разбирал вещи и вспомнил о яйце. Он редко забывал о чем-либо, это был первый раз. Он замер, с редким удивлением глядя на увядающее яйцо. В тот момент, когда Кун Лин был в полном недоумении, Нин Цзи нахмурился, коснулся его пальцем и искренне извинился:

— Прости, я забыл о тебе.

Поток духовной энергии хлынул через его палец в скорлупу.

Кун Лин: ...Ты издеваешься?

Однако, хотя тон человека оставался холодным, в его голосе слышалось легкое сожаление. Казалось, он действительно забыл о нем случайно.

Кун Лин: ...

Нин Цзи не знал, что творится в голове у яйца, но, видя его вялость, пояснил:

— Все нужные мне вещи всегда при мне, а в Мешочке Вселенной хранятся лишь бесполезные предметы. Положив тебя туда, я просто забыл.

Бесполезный предмет Кун Лин: ...Отлично!

Он почувствовал, как его гордость в очередной раз растоптали. Как могучий Король Демонов, он никогда не слышал, чтобы его называли бесполезным! Все демоны только и делали, что льстили ему. Его демоническая сила снова иссякла, красивые хвостовые перья в истинном теле потускнели, и даже после вливания духовной энергии он был слишком слаб, чтобы пошевелиться.

Он даже забыл про Чу Цзиньсяо. Вначале, когда его только заперли, он слышал голос Чу Цзиньсяо и думал, что лицемер Нин Цзи расправился с ним, чтобы побыть наедине с А-Чу. Он столько всего напридумывал, а теперь, от волнения и слабости, всё вылетело из головы.

Нин Цзи не подозревал, что яйцо способно на такие интриги. Убедившись, что после вливания энергии оно в порядке, он убрал руку. Кун Лин то вспыхивал, то затухал, но Нин Цзи не обращал на это никакого внимания. Поездка отняла у него много сил, в горле першило, и он закрыл глаза, чтобы отдохнуть.

Кун Лин, поначалу пылавший гневом, почувствовал себя шутком, на которого никто не смотрит, и гнев угас сам собой. Нин Цзи был холоден, как лед, и когда он молчал, в комнате воцарялась полная тишина. Кун Лин, немного остыв, осторожно выпустил духовное чувство, чтобы посмотреть, что делает этот человек.

Перед ним предстала лишь холодная, снежная картина. Нин Цзи сидел с закрытыми глазами, опираясь на руку, тихий, словно спящий. Его губы слегка побелели, на лице читалась редкая усталость. Кун Лин замер.

Черт, неужели свидание может так вымотать?!

В этот момент послушник постучал в дверь и вошел, нарушив тишину. Длинные ресницы Нин Цзи дрогнули, и он медленно открыл глаза. Столкнувшись с этим ледяным взглядом, Кун Лин тут же втянул духовное чувство обратно.

— Достопочтенный, отвар из Ивы Ледяного Сердца готов.

Нин Цзи расслабил брови.

— Принеси.

На столе лежала пачка сушеных слив. Неизвестно, когда он их купил, но от них исходил сладковатый аромат. Послушник, опасаясь, что отвар будет слишком горьким, увидев сливы, успокоился.

— Достопочтенный не любит цукаты, но лекарство слишком горькое, нужно хоть чем-то перебить вкус, — улыбнулся он.

Нин Цзи проследил за его взглядом и увидел на столе сливы. В памяти мелькнул образ Чу Цзиньсяо, протягивающего ему сладости прошлой ночью. Нин Цзи слегка нахмурился, но не стал возражать.

— Давай сюда, — произнес он.

Горький запах отвара наполнил комнату. Кун Лин, даже находясь внутри скорлупы, почувствовал его и съежился. Послушник с тревогой смотрел на Достопочтенного. Это был самый горький отвар из всех, что он когда-либо варил. Один лишь запах был невыносим, что

уж говорить о вкусе.

Он поставил сливы на блюде и протянул Нин Цзи. Тот взял чашу и слегка запрокинул голову. Вкус был невыносимо горьким. Но Нин Цзи всегда умел терпеть — он лишь поморщился и залпом выпил отвар. Ива Ледяного Сердца помогала сдерживать Огненный яд Циляня. Хотя она и не могла вылечить его полностью, это приносило облегчение.

В дантяне разлился жар, словно всё внутри горело. Его пальцы замерли, он нахмурился, собираясь что-то сказать, но внезапно сжал руку, глухо застонал, и из уголка его рта медленно потекла кровь.

<http://bllate.org/book/19881/1957156>